

В марте исполнилось бы 74 года Валерию Борисовичу Эдигею, удивительному человеку, пришедшему на землю, казалось, из какого-то иного мира. И безжалостно забытому в родном городе, которому он отдал и душу, и талант. Не вспоминают его и на Украине. Он был не просто учителем начальной школы, а большим фантазером, творцом, ощущал себя скульптором,

которому предстоит создать нечто новое; каждого ребенка считал произведением искусства и страстно хотел сделать его еще лучше, богаче, совершеннее. В историю педагогики Валерий Эдигей вошел как автор замечательной, не имеющей в мире аналогов методики по обучению чтению.

Оглядываясь на полвека назад, я снова вижу его, восемнадцатилетнего кировоградского пар-

На заре педагогической юности

ня, улыбающегося, жизнерадостного, переполненного энергетикой. Внешне он не был красивцем, но обаянием, окутывавшим мгновенно, обладал незаурядным. Черты его лица притягивали искрящейся, тонкой добротой, которая пронизывала все — лоб, нос, щеки, даже руки. Глаза, быстрые, любопытные, любознательные, то сверкали, то замирали в задумчивости и каким-то удивительным образом гармонировали с голосом, переливавшимся множеством различных оттенков. А улыбка своей необычной, подкупающей простотой сразу брала в плен окружающих. Поэтому тогда, в далеком 1962-м, мы, крикливые, неуправляемые шестиклассники с неустойчивой психикой, очень разборчивые, влюбились в нового вожатого в течение часа. Хотя встретили его, рабочего агрегатного завода, студента-заочника политехнического института, с угрожающей настроенностью. В нем, как во всяком талантливом человеке, пряталась тайна. Впоследствии, спустя годы, мы ее разгадали: весь его внутренний мир, вся искрометная фантазия были скрыты в жесткой коже и устремлялись наружу как гейзер, когда общение перемещалось в детскую, подростковую среду. Здесь, в отличие от взрослой жизни, он, как правило, не совершал промахов. Рядовой слесарь, по отзывам некоторых коллег, иногда нудный, привередливый, ворчливый, преобра-

жался в классе с шумливыми, галдящими мальчишками. И сам становился большим ребенком. Для достижения своей цели он был способен на необычные поступки, обожал задушевные, рассудительные разговоры и не терпел нотаций, банальных поучений, строгих выговоров. Однажды зимой, на улице, передо мной, подвернув ногу, упала женщина, наш учитель по литературе, и я ей не помог, постоял, посмотрел и ушел. С усмешкой я рассказал об этом случае Валере (учительницу мы недолюбливали) — и не услышал ни слова осуждения, но его веселые глаза стали вдруг очень внимательными, а потом печальными, несчастными; это мрачное молчание и страдающий взгляд резцом вошли в мое сознание, на всю жизнь научили протягивать руку упавшему.

Вокруг него постоянно возникала комфортная обстановка, теплая, домашняя, с ним было приятно беседовать, гулять по Ленина, Карла Маркса, по парку; эти кировоградские улицы сохранили миллионы наших шагов. Пока мы наслаждались общением с Валерием, он искал пути для сплочения нашего разболтанного, разнузданного шестого класса, видимо, понимал, что первый восторг может оказаться скоротечным. Не владея специальными педагогическими знаниями, он поступал интуитивно, использовал какие-то безусловные рефлексии, которые, несомненно, у него были. Вероятно, они в основном и предопределяли его поступки, постоянно взаимодействовали, сочетались в какой-то сложной пропорции, одно подталкивало другое. Валерий сразу понял, что главным и определяющим для него должно стать то, что интересовало нас, заполняло большую часть внешкольной жизни, диктовало повседневное поведение. И не стал ничего ломать. Я давно заметил, что между обязанностью и страстью существует примерно такая же разница, как между привычкой и любовью. Вот эта любовная страсть к детям, бывшая у него врожденной, и стала предпосылкой методов, показавшихся многим не только необычными и спорными, но и запрещенными.

Особенно хорошо запомнилась «алкогольная история». Жил он очень скромно, с мамой, бухгалтером небольшой организации, и бабушкой, согнутой и старенькой, в маленькой комнате коммунальной квартиры. Именно туда и потянулся поток школьников, устраивавших вместе с вожатым шумные застолья, с сигаретами и разговорами на самые щекотливые темы. И он, кандидат в члены КПСС, внештатный секретарь горкома комсомола, не переносивший табачного дыма, любящий только квас и лимонад, принимал в них активное участие. Зная, что мы уже давно тайком, под де-

В него были влюблены все девушки нашего класса...

Наши разговоры и споры мало чем отличались от общения сверстников — школьные новости, достоинства и недостатки преподавателей, достижения и конфликты, футбол, будущее, девочки, политика. Некоторые серьезные темы, вызывавшие бурное столкновение различных мнений, аккуратно, исподволь подбрасывал и Валерий. Сам он почти не пил, но нам не мешал, в спорах всегда твердо отстаивал свое мнение, не боялся соглашаться с разумными доводами оппонентов и никогда их не обижал, не унижал, не упрекал, не повышал голоса. Он, взрослый человек, всегда держался с нами на равных; иногда возмущался, но мы ни разу не слышали его крика. Часто мы замечали, насколько ему

неприятен выпивший человек, но он много шутил, смеялся, превращая наши встречи в маленькие праздники; особенно ему нравилось предсказывать каждому блестящее будущее, невероятные, громкие победы в жизни — в такие моменты его лицо становилось воодушевленным, вдохновенным; нам казалось, что он обладает даром ясновидения. И произошло неожиданное: не алкогольный синдром, а острые словесные баталии быстро нас сблизили, создали обстановку раскованности, повышенной искренности. Мы, подростки, сразу сообразили, что на такие темы трезвыми беседовать намного интереснее, и через некоторое

ревьями, в подъездах, перепробовали весь местный ассортимент красных вин и табачных изделий, он решил применить в этом случае свой психологический расчет: не запрещать совсем эти выпивки, позволяющие, по нашему мнению, считать себя взрослыми мужиками, а заменить вино очень легкой, практически без градусов, домашней наливкой. Но и такой поступок вызвал нарекания со стороны домашних, объявивших ему бойкот, некоторых родителей, пытавшихся обвинить его чуть ли не в растлении малолетних. Тогда заканчивалось время хрущевской оттепели: пили многие, это явление постепенно проникало и в школьную среду. Но Валерий видел, что микробы алкоголизма еще не затронули его подопечных, никакой деформации личности не произошло, скорее, сработали ребяческая заносчивость и юношеский максимализм. Кроме того, он отметил парадоксальное явление: в классе в основном собрались дети с хорошей успеваемостью, неплохим интеллектом, из благополучных семей, имевшие не только прочную нравственную основу, но и весьма развитое честолюбие, сочетавшееся со здоровым тщеславием: всем хотелось многого добиться. Он, как охотник, почувствовал нужный для атаки момент и, не вызывая противодействия запретами, ненавязчиво повел разговоры о будущем, о карьере, незаметно переплетая их со школьными делами, с индивидуальными достоинствами каждого.

Первые воспитанники, когда-то переворачивавшие школу вверх дном, со временем остепенились...

время наливку почти перестали замечать. Никогда не призывая отказаться от спиртных напитков, Валера помог нам удержаться на грани, за которой была пропасть, а затем постепенно от нее отойти. Говоря спортивным языком, его тактика нанесла алкоголью если не нокаут, то хороший нокдаун. Зачем Валерий пошел на такой опасный, рискованный эксперимент? Хотел выбить клин клином, устроить борьбу противоположностей? Возможно. Но я думаю, что в большей степени он действовал интуитивно: настоящий талант педагога часто подсказывает такие решения, которые не замечают другие. Конечно, в дальнейшей жизни не все из нас полностью отказались от алкоголя, но впоследствии, бывая в гостях у своих бывших одноклассников, я видел, что вино присутствует на столе только при торжественных событиях и в разумном количестве. Я далек от мысли предлагать такой метод укрепления отношений между школьниками и наставниками в качестве всеобщего рецепта. Валерий и сам потом признался, что это был единственный случай в его практике, рассказывал, сколько перенес мучительных раздумий, как кропотливо просчитывал и взвешивал свои шаги. Просто обстоятельства сложились таким образом, что он понял — риск будет оправдан. Вообще умение применить в нужный момент нестандартный ход составляло одну из характерных особенностей его личности.

В нашем классе было всего восемь девочек, держались они в основном обособленно, с вожатым поддерживали теплые отношения и особых хлопот ему не доставляли. Другое дело мальчики... Дисциплина продолжала хромать, на уроках почти непрерывно шли бои: взаимные обстрелы из тонких трубочек, для которых специально покупали пшено, стрельба спичками с пластилиновыми наконечниками из пистолетиков, сконструированных из обычных прищепок; пол в классной комнате был усыпан густым слоем пшена. Пиком мастерства считалось попасть противнику в шею или лоб, особенно в тот момент, когда он отвечал учителю, педагоги в бессилии опускали руки. Валера, естественно, участия в перестрелках не принимал, нотаций не читал, но всем своим видом показывал, насколько ему неприятно на это смотреть. И неожиданно предложил нам в каникулы съездить на велосипедах в село Губовка, на родину Демьяна Бедного. Идея была принята с восторгом. До сих пор не понимаю, как он не побоялся ответственности, каким образом ему удалось уговорить родителей. Зато путешествие оказалось незабываемым: цепью, друг за другом, на высокой скорости, вдоль шоссе и по грунтовым

дорогам, мы пронеслись несколько десятков километров. Сверкнуло яркое солнце, в ушах свистел ветер, полный экстрим, чувство радостной свободы переполняло; ночевали в местной школе. и, кажется, никто не уснул. Такое путешествие требовало особой сплоченности, взаимопомощи, взаимовыручки. Именно тогда мы отчетливо, глубоко осознали себя спаянным, единым коллективом, а Валере присвоили самое почетное для него звание — он стал не только нашим вожатым, но и другом. И дружбу эту мы бережно, аккуратно пронесли через всю свою жизнь. Перестрелки пшеном и спичками продолжались еще несколько месяцев, а потом прекратились. Возможно, мы повзрослели, но думаю, что основное влияние оказали его молчаливые упреки, его авторитет, который мы стали ценить и беречь. Затем, следуя какому-то своему плану, Валера перешел к индивидуальной работе, и здесь ему также удалось избежать стандартов, для каждого он находил что-то особенное. У меня были проблемы с математикой, и он предложил свою помощь; предмет я не любил и решил вежливо отказаться. Он удивился: почему? Ведь мы начнем заниматься не днем, а после ужина, в пионерской комнате. Такие занятия, в необычной обстановке, в пустой школе, мне показались увлекательными, и мы вдвоем, окруженные вечерним колоритом, до поздней ночи решали примеры; я очень хорошо запомнил зыбкие молочные сумерки над площадью Кирова и ощущение романтики, уверенности, какой-то возвышающей свежести.

Валерий физически страдал, когда обижали его друзей. Иногда, защищая товарища и считая себя правым, он ошибался, но искренняя, бескорыстная борьба за справедливость заставляла прощать эти ошибки. Человек, способный на нестандартные поступки, как правило, обладает и личной смелостью, часто эти качества совпадают. У Валеры умение найти оригинальный выход из сложного положения проявлялось особенно отчетливо в необычной, порой опасной ситуации. Однажды в праздничный день мы впятером прогуливались по улице Гоголя; внезапно из одного двора выскочили двое подвыпивших, накачанных двухметровых парней с дебильными физиономиями и без всякого повода, просто ради развлечения, стали нас избивать. Спасаясь, мы, четверо школьников, бросились в разные стороны, они — за нами. На месте остался один Валера. Оглянувшись, я замер: огромный верзила с поднятым чугунным кулаком навис над нашим невысоким, худеньким вожатым, который, выпрямившись, выставил перед собой ладонь и, не отрывая взгляда от безум-

ных глаз, сквозил зубы, произнес несколько слов. Верзила опустил руку, постоял несколько секунд и ушел. Потом я спросил у Валеры, как это ему удалось. «Сказал, что я секретарь горкома комсомола, и спросил, чем он недоволен». Возможно, хулигана остановила высокая должность, но мне кажется, что большее воздействие на него произвело полное отсутствие испуга, глубокое отвращение, написанное на лице, и прямой, непримиримый взгляд. А сам Валерий впоследствии не раз говорил, что перепугался ужасно, с трудом сумел преодолеть охвативший страх.

Когда мы перешли в девятый класс, в жизни Валерия произошли серьезные изменения: он покинул политехнический институт, распрощался с агрегатным заводом и занял должность старшего пионервожатого в нашей 6-й школе. Некоторым такая резкая смена профессии без пяти минут инженера на другую, непрестижную и низкооплачиваемую, показалась прыжком начинающего пловца с головокружительной высоты в ревущее море. Да и сам он долго и тщательно анализировал свои результаты в педагогике, прислушивался к внутреннему голосу, успокаивал эмоции. Но мы, его первые воспитанники, давно поняли, что для Валеры улучшение человеческой природы намного интереснее, чем работа с металлом. Он шел к профессии, как, не побоюсь такого сравнения, неизлечимый наркоман к дозе. Валерий был учителем от бога и по-другому поступить не мог. Искреннее удовольствие, которое он получал от наблюдения за развивающимся духовным миром школьника, сделало выбранное решение единственно возможным. Он считал, что принимает эстафету от своего земляка, выдающегося педагога В. А. Сухомлинского, которого безмерно уважал и считал учителем.

Конечно, Валерий, кипучая натура, сразу погрузился в эпицентр разнообразных новых проектов, появилось множество обязанностей, проблем, забот; он оказался в своей стихии и постоянно находился в окружении галдящих третьеклассников, шустрых пятиклассников, степенных десятиклассников. Теперь мы появлялись у него дома уже нечасто, но каждая встреча была радостной, заряжала энергией, которая в нем бурлила.

В десятом классе я с родителями переехал в Москву, тосковал по друзьям, нетерпеливо ждал писем, а через год узнал, что Валера уехал на учебу в Ленинградский педагогический институт имени Ушинского. Для него началось полуголодное студенческое время. Правда, опыт такой жизни у него уже был немалый, зато теперь его окружа-

ла и обогащала культура великолепного города и, главное, он мог, не отрываясь, заниматься учебой. Он восхищался блестящей профессурой, задавал специалистам множество вопросов, долгие часы проводил над трудами классиков педагогики, философии, психоаналитики, не забывал и своей юношеской любви к математике. Он приник к источникам знаний, как человек, долго изнывавший от удушья — к кислородному баллону. Приехав однажды к нему в гости, я увидел на его столе книги Спинозы, Фрейда, Шпенглера, Шопенгауэра, Дарвина. Меня удивило, что Валерий учится на факультете начальных классов: не тот масштаб, слишком просто. А он объяснил, что всегда мечтал работать с малышами, с обширным семилетним контингентом, ведь именно в этом возрасте у ребенка формируется основа личности, психологии, та база, которая потом, в будущем, должна позволить ему стать человеком в самом красивом значении этого слова. Он был убежден, что специфика младших классов, где преподаватель действует в основном самостоятельно, позволяет более продуктивно, целенаправленно использовать все имеющиеся возможности обучения, в полной мере реализовать свое понимание процесса воспитания.

Дополнительные трудности легли и на родных Валерия. Они не жаловались, но однажды Вова Чайковский, наш близкий товарищ, зашедший их навестить, был поражен, увидев холодную комнату, пустой холодильник и бабушку, свернувшуюся под одеялом в углу дивана — и, не слушая возражений, нарубил дрова, растопил печь, принес продукты, приготовил обед. После этого семью Валеры стали регулярно навещать и другие ребята; он был тронут, рассказывал об этом с влажными глазами, переполненными невыразимой благодарностью... Володя, Вова, мой постоянный сосед по парте, наш Чая, один из лидеров класса, несколько высокомерный, себялюбивый шестиклассник, превратившийся в добрейшего, отзывчивого парня к семнадцати годам, к сожалению, просмотрел тяжелейшую болезнь и не дожил до шестидесятилетнего юбилея.

Встретились мы с Валерием только через восемь лет, в Кировограде, куда я приехал на несколько дней и напросился к нему, учителю начальной школы, на урок чтения, в третий класс. Я не сомневался, что основным содержанием его занятий по-прежнему остаются главные интересы, владеющие умами ребят; он всегда считал, что преподаватель, не прочувствовавший пристрастия школьников как свои собственные, не идущий им навстречу, никогда не сможет стать настоящим

На пороге...

педагогом. Но то, что я увидел и услышал, не только поразило, но и захватило: начавшись с отдельных безобидных вопросов и спокойных ответов, действие стало раскручиваться, как маховик. Валерий каким-то чудом угадывал настроение каждого ученика и предлагал ему именно те вопросы, которые могли заинтриговать, заставить думать и размышлять. Ни о каком нудном чтении не было и речи. Развитие урока шло по стремительно набирающей темп спирали: задачи, загадки, проблемы перерастали в диспуты. Воодушевление учителя буквально завораживало, в классе постепенно возникла невидимая электрическая дуга, которая быстро охватила всех. Я заметил еще один его метод: он всячески старался подтянуть более слабых учеников до лучших. Никаких возгласов, криков, только десятки тянущихся вверх рук; некоторые старались поднять и обе руки. Он, как всегда, грассировал голосом, но не позволял себе повышенный тон, он хорошо понимал, что настоящий, подлинный авторитет учителя способен полностью упразднить нарекания, назидания, замечания и заменить их мимикой, выражением лица, игрой глаз. Только добыть такой авторитет, открывающий поистине волшебные профессиональные возможности, так же трудно, как взлететь в стратосферу или опуститься на дно океана. Валерий совсем не ставил двоек, зато наиболее отличившихся награ-

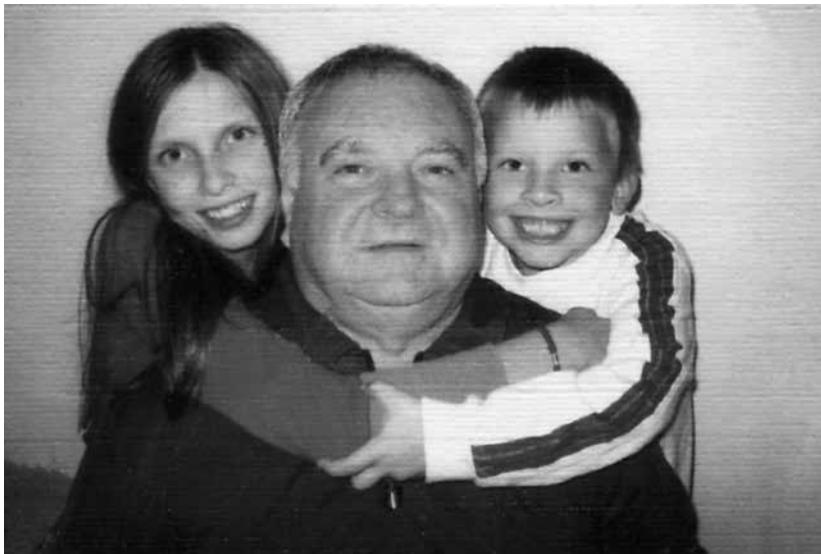
ждал шестерками, заносил их в дневники, и за этот виртуальный балл шло отчаянное состязание. Причем не было никаких предварительных репетиций, многое рождалось на ходу, экспромтом. Класс напоминал запрограммированный механизм, но это впечатление было обманчивым, он никого не принуждал. Ребята подчинялись внутреннему побуждению, единому порыву, а он гипнотизировал их тем самым своим добрым неистовством, которое когда-то притянуло к нему весь наш шестой класс. Я увидел настоящий спектакль, которому могли позавидовать и лучшие столичные театры. Я увидел уже не прежнего юного вожака, а художника, мастера. Я снял перед ним шляпу.

Потом мне рассказывали, что он измучил руководство школы своими экспериментами, проводил уроки в парке, использовал листья, лепестки, землю, даже булжники. Конечно, не всем коллегам нравились отклонения от общепринятых правил преподавания, пришлось выслушивать и замечания, отбиваться от едкой критики. В такие дни он гулял по любимым городским местам, и улицы, наполненные воспоминаниями, вливали в него силы и уверенность. А еще меня удивило, что он не утратил потрясающей ребячливости, мальчишества, часто проявлявшихся в его поведении. Особенно отчетливо я понял это через несколько лет, когда, приехав ко мне, он впервые увидел ванну с гидромассажем и безапелляционно заявил, что обязательно должен ее испробовать; через некоторое время в шуме воды раздались его возгласы и радостные крики, весь окутанный густой пеной, он плескался, нырял, восторженно смеялся. Он по-прежнему в чем-то оставался взрослым ребенком, и, наверное, это качество помогало ему так быстро находить тесный контакт с детьми. Тогда Валерий уже серьезно думал о создании улучшенной методики обучения чтению в начальной школе.

Он поставил перед собой задачу воспитать у своих учеников любовь к книге, сделать ее постоянной, ликвидировать глубокую пропасть, существующую между умением читать и непреходящей потребностью заниматься чтением всю жизнь. Научить складывать буквы в слоги, а слоги в слова бывает трудно, но возможно. Привить жгучий интерес к литературе, превратить желание читать в пламенную страсть — намного сложнее, это тяжелая, кропотливая работа, наука, своего рода искусство. Безразличие к чтению легко приводит к изъянам в характере, поступках, решениях, более того, может стать и причиной серьезной, судьбоносной ошибки. Поэтому Валерий стремился открыть своим первоклассникам путь к большой

литературе, к библиотекам, книжным магазинам, в пантеон великих писателей, историков, поэтов. Он хорошо понимал, что только чтение, дающее ключ к настоящей культуре, способно подавить негативные инстинкты, таящиеся в подсознании. Ростки национального чванства, эгоизма, пренебрежения к людям проявляются уже в раннем возрасте и развиваются как крапива; культурные ценности, способные им противостоять, наоборот, медлительны, инертны, с трудом пробивают себе дорогу. Научить читать без принуждения, вырастить личность, способную быстро овладеть этическими принципами, ценящую основные достижения цивилизации, было для него главной целью при работе над новой методикой чтения.

И в течение последующих пятнадцати лет выходят необычные книги, состоящие из литературных задач и упражнений: «Учись читать, малыш!», «Увлечение чтением», «Интеллектуальный фейерверк» и, последняя, 300-страничная, «Новое чтение». Ученикам предлагалось ошибочно составленные слоги, словосочетания, предложения, тексты привести в правильную форму, меняя, добавляя, вычитая буквы, фразы, смысл. Беспорядочно запутанные буквы следовало расставить в разумном порядке. За этими внешне безобидными заданиями скрывалась четкая логика, пряталась изюминка; они не только будили жажду читать, повышали грамотность, но и учили думать, анализировать. Содержание книг было очень тщательно систематизировано и структурировано, сотни упражнений начинались с самых примитивных и заканчивались достаточно сложными текстами, рассчитанными на ребят, уже овладевших техникой быстрого чтения и обладающих хорошей сообразительностью. Одно задание дополняло другое, они варьировались таким образом, чтобы охватить учеников любого уровня подготовки, опыта, способностей, скорости мышления; каждое упражнение имело свой спрятанный подтекст, несло смысловую нагрузку. Валерий изобретал задачи для развитых и посредственных, работоспособных и ленивых, непоседливых и усидчивых, эмоциональных и меланхоликов. На стыке психологии, математики и грамматики он разработал огромный набор текстовых формул, предназна-

Валерий умел дружить со своими учениками

ченных для групповых и индивидуальных занятий; одни — для простого чтения, другие — для ускоренного, третьи — для сообразительности, четвертые — для появления пространственного мышления, пятые — для развития фантазии. Но, самое главное, они вызывали постоянный, неподдельный интерес, увлекали, будили любопытство, заставляли размышлять, фантазировать. Грань между учебой и игрой стиралась; на уроках шло непрерывное соревнование, подогреваемое напряженным умственным трудом и тренингом. Поэтому к окончанию начальной школы подавляющее большинство учеников Валерия превращалось в интеллектуально развитых, любознательных личностей, для которых чтение становилось воздухом, неотъемлемой частью жизни. Высокую оценку новой методике дали детский писатель Юрий Яковлев, академик Ш. А. Амонашвили и ряд других известных ученых-педагогов.

Школьники выросли и, несомненно, передали эти знания своим детям, а потом — внукам. Видимо, сейчас число учеников Валерия исчисляется тысячами. Сомневаюсь, что кто-то из социологов подсчитал, сколько среди них появилось блестящих специалистов, инженеров, ученых; из наших одноклассников по его стопам пошли двое — Боря Набока, один из лучших директоров школ города, и Женя Темнов, прекрасный учитель, воспитатель, завуч. В 1994–1995 годах Валерий трудился в Москве, в элитной гимназии, но остаться не захотел, тянуло домой, в Кировоград.

Увлекательные, не знающие аналогов методики обучения стали его триумфом, творческим подвигом; он продолжал их совершенствовать,

улучшать, углублять содержание. А потом, к сожалению, его подкараулила серьезная ошибка, единственная, но непоправимая: сыновья предложили хорошую работу по специальности в Израиле, и Валерий, очень тосковавший, решил с женой Эллой переехать вслед за ними в Иерусалим. Он был домашним, семейным человеком, радовался, оказавшись в кругу родных; снова начал заниматься педагогикой, появились новые мысли, планы. Однако внезапно произошла осечка — чужой воздух, другой менталитет, непривычная обстановка сыграли злую шутку: исчезло вдохновение, угас созидательный импульс, ушла энергетика. Он боролся, но выйти из кризиса не мог, более того, начался стресс, знакомый многим творческим людям. Вместе с кировоградской аурой, людьми, которых он хорошо понимал и чувствовал, пропало что-то неуловимое, но существенное, поддерживавшее в нем внутренний огонь; пропал блеск в глазах, слабело сердце. Жизнь обычного, рядового пенсионера была ему чужда. Через несколько лет положение ухудшилось до такой степени, что понадобилось медицинское вмешательство; операция на сердечных клапанах прошла успешно, хирурги сделали невозможное. Казалось, теперь все будет хорошо, начнется восстановление, но внутренние ресурсы организма уже были исчерпаны, и в солнечное январское утро пришло страшное, невыносимое сообщение: скончался...

Валерия похоронили под Иерусалимом, на возвышенности; жена говорит, что ему бы это место

понравилось — вокруг открываются красивые, широкие дали. Считается, что в тех местах близок бог, если это правда, его светлая душа сейчас там, наверху. И, наверное, оттуда он часто видит свой Кировоград, далекий, поменявший сейчас название, но оставшийся для него родным и близким. Конечно, бывшие ученики вспоминают своего учителя, берегут его книги. Но в школе, которой он отдал свои лучшие годы, его почти не помнят, в начальных классах не применяется его методика, в пединститутах не проходят семинары по изучению его опыта, не переиздаются его чудесные книги, которые по сути являются естественным продолжением букваря. А ведь, наверное, можно было бы найти спонсоров и обеспечить начальные классы наших школ прекрасным пособием по обучению чтению, призванным воспитать для страны новое поколение интеллектуально развитых людей. Наше просвещение в этом очень нуждается. И, конечно, человек, ставший гордостью педагогики, заслуживает, чтобы его именем была названа школа, чтобы ее фасад украсила памятная мемориальная доска.

Незадолго до смерти Валерий прислал мне последний выпуск своего «Нового чтения» с такой надписью: «Дорогому моему другу от автора с собачьей преданностью». Иногда я думаю, чего больше в этих словах: ребячливости, тонкой иронии, тоски по ушедшим годам, суровой грусти, ласкового юмора? И мне кажется, что здесь проступает весь его образ, он сам, наш Валера, единственный и неповторимый...